

**СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)**

П.В. Сазонова

Национальный исследовательский Томский государственный университет,

Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36, 634050

E-mail: lukinapv@rambler.ru

**SOCIETAL TRANSFORMATIONS AS AN OBJECT OF SOCIAL AND POLITICAL GOVERNANCE
(A CASE OF GENDER AND FAMILY RELATIONS)**

P.V. Sazonova

Tomsk State University, Russia, Tomsk, Lenin str.36, 634050

E-mail: lukinapv@rambler.ru

***Abstract.** The present paper discusses the way the power discourse responds to the societal changes that are caused by the globalization and the formation of the information society. Using the example of gender and family relations the author shows how the results and the consequences of the societal transformations can be governed in order to maximize socio-economical profits for individuals and a state.*

Постановка проблемы исследования. В рамках общества мы можем наблюдать относительно устойчивый *гендерный порядок*, представленный культурно и исторически обусловленными образцами отношений между мужчинами и женщинами [1, с. 98–99]. Деконструктивный анализ гендерного порядка обнаруживает публичную и приватную сферы: в публичной сфере реализуются гендерные отношения и иерархии в политике, экономике и на рынке труда; в приватной сфере – семейно-брачные и интимно-сексуальные отношения. В разрезе биографии конкретного индивида публичные и приватные пространства оказываются связанными многомерными динамическими отношениями, местом пересечения которых выступает семья [2, с. 324]. Семья является эксклюзивной социально-экономической системой, в рамках которой происходят сложные процессы взаимодействия между партнерами, стремящимися найти оптимальный способ совместного проживания, организации экзистенциального и материального обеспечения, взаимной помощи и эмоциональной поддержки [3]. На уровне домохозяйства формируется такая система разделения труда, которая позволяет максимизировать выгоды, в том числе материальные, для всех его членов, исходя и институциональных условий и культурного контекста соответствующего общества и индивидуальных социодемографических характеристик партнеров: классовой принадлежности, уровня образования, состава семьи [4].

Сфера семейно-гендерных отношений не только отражает сложившийся в обществе гендерный порядок, но также является наиболее чувствительной к социетальным трансформациям. Социальные теоретики отмечают, что становление актуальной общественной формации – информационного общества – сопровождается антропологическим кризисом, симптомами которого являются индивидуализация и рационализация современных обществ, что провоцирует модернизацию семейно-брачных отношений [5; 6; 7]. Классический зарегистрированный брак перестает быть единственно легитимным институтом с правом контроля над сексуальностью и деторождением, а названные практики все больше отдаляются

друг от друга и образуют отдельные институты [8]. На смену приходит *постсемья* – новая, более гибкая форма брачно-репродуктивного и интимного поведения, предполагающая постоянную легитимацию договора между партнерами [6; 9]. Ее структура становится все более сложной и включает в себя членов других семейных союзов (в случае развода и повторных браков), друзей, наемных работников, виртуальные контакты и сообщества. В рамках расширенных внутрисемейных сетей циркулируют разнообразные типы поддержки и ресурсообмена, которые дополняют либо компенсируют неэффективные государственные и социальные институты и формируют отличные от традиционных паттерны заботы и ухода.

Одним из стержневых элементов в структуре современных обществ выступает предпосылка, что все люди трудоспособного возраста имеют оплачиваемую работу, и чем дольше, тем лучше [10]. Семья и работа, таким образом, выступают важнейшими элементами биографического портрета современного человека, которые представлены в динамическом и зачастую в конфликтном соотношении. Это особенно актуально в отношении женщин, которые, став полноправными участниками рынка труда, тем не менее продолжают повсеместно выполнять значительную долю неоплачиваемой работы по уходу за детьми и содержанию домохозяйства. Возникновение социальной идентичности *работающей матери* сформулировало запрос на разработку и реализацию отдельного направления социальной политики – семейной политики, которая представляет собой комплекс правовой, экономической и социальной поддержки семей в реализации их социальных функций, связанных с рождением детей и их воспитанием, с содержанием недееспособных членов семьи и уходом за ними [11, с. 137]. При этом, если в рамках классических моделей социальной политики основным объектом регулирования рассматривались женщины и их положение на рынке труда, то в современной перспективе усилия государства должны быть сосредоточены на разработке мер, балансирующих положение обоих полов в публичной и приватной сферах. В условиях трансформирующейся социальной реальности конца начала XXI века к семейной политике предъявляется требование *устойчивого развития*, то есть адаптивности, способности гибко реагировать как на изменяющиеся параметры среды, так и на персональные требования индивидов, ищущих баланс между работой и жизнью. В качестве важнейшей задачи формулируется сохранение жизнеспособности семьи в условиях индивидуализации и де-стандартизации ее форм.

Дискуссия и результаты исследования. Дилемма работы и ухода является одной из самых активно обсуждаемых тем в европейском академическом дискурсе, который, как нам представляется, наиболее преуспел в определении оптимальных условий сочетания занятости и родительства, позволяющих максимизировать выгоды как для государства, так и для домохозяйств. Альянс власти и науки в европейском контексте находит воплощение в паттернах семейной политики стран Северной и Западной Европы. Гендерно чувствительная политика *баланса семьи и работы* легитимирует практики и поддержки, которые позволяют работающим взрослым совмещать профессиональные и семейно-родительские обязанности [3; 12; 13; 14]. Основные направления ее реализации связаны с развитием правовой, материальной и сервисной поддержки родительства: имплементацией норм и рекомендаций Европейского союза в области гендерного равенства; внедрением гибкой системы компенсации и оплаты родительского труда в виде пособий и отпусков; созданием инфраструктуры образовательных и досуговых сервисов для детей разных возрастов; включением работодателей в число акторов семейной политики и стимулированием их к созданию дружественных семье условий труда и устранению барьеров

на пути становления практики вовлеченного отцовства. Важным достижением представляется уход академического и властного дискурса в ряде государств от бескомпромиссной дихотомии феминизм/традиционализм в представлениях о том, что было бы лучше всего для всех женщин, к признанию естественного плюрализма ценностей, интересов и жизненных путей [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Connell, R. (1987). *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press.
2. Ловцова Н. Здоровая, благополучная семья-опора государства? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. - 2003. - № 1 (3/4). С. 323-341.
3. Lange, A. and K. Jurczyk (2010). *The Globalized Family*. In: *Family Experiment*. Deutsches Jugendinstitut Bulletin. München.
4. Hofäcker, D., Stoilova, R. and J.R. Riebling (2013). The gendered division of paid and unpaid work in different institutional regimes: Comparing West Germany, East Germany and Bulgaria. *European sociological review*, no. 29 (2), pp. 192-209.
5. Bauman, Z (2013). *Liquid modernity*. London: John Wiley & Sons.
6. Giddens, A (2013). *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. London: John Wiley & Sons.
7. Cherlin, A.J. (2004). The deinstitutionalization of American marriage. *Journal of Marriage and Family*, no. 66 (4), pp. 848-861.
8. Шпаковская Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. – 2012. - № 10 (3). – С. 309-322.
9. Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (2004). *Families in a runaway world*. The Blackwell companion to the sociology of families, pp. 499-514.
10. Daly, M. (2011). What adult worker model? A critical look at recent social policy reform in Europe from a gender and family perspective. *Social politics: international studies in gender, state & society*, no. 18 (1), pp. 1-23.
11. Cheal, D.J. (2008). *Families in Today's World: Comparative Approach*. New York.
12. Lewis, J. (2009). *Work-family balance, gender and policy*. Edward Elgar Publishing.
13. Рождественская Е. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. – 2011. - № 9 (4). – С. 439-454.
14. Чернова, Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2011. - № 9 (3). – С. 295-318.
15. Худияс, С. (2014). *Women's Rights in Germany: Generations and Gender Quotas*. *Politics & Gender*, no, 10 (01), pp. 4-32.